

**Урман
САЛАМАТОВ**

г.Бишкек

*Саламатов Урмат
Саламатович — родился
03 октября 1990 года в
г. Бишкек, Кыргызской
Республики. Окончил
Академию Управления при
Президенте Кыргызской
Республики, специальность
— банковское дело. Имеет
опубликованный роман —
Плата за рай.*

НАЧАЛО

Ветер теребил билет на автобус, и она сжала крепче пальцы, чтобы удержать мечту – отправиться в неизведанные края... Подальше от привычного уклада жизни, быта – питона на шее, осточертевших лиц. “Заживу по-новому” – мысль не покидала нутро, придавая решимости. Тополиный пух то и дело норовил прилипнуть к ресницам. Она отмахивалась, защищая голубые глаза. Рыжие кудрявые волосы повиновались стихии, развиваясь на ветру. Уже пару раз она подтягивала шейный платок, который норовил предать хозяйку и улететь с первым встречным сквозняком. И только кожаный плащ – коричневый, местами протертый, висел неподвижно. Взгляд ее был устремлен вдаль. Безмолвная молитва едва шевелила алые губы.

Автобус №35 остановился в метре, и она поспешила встать у двери. Слово прячась от опасности, вспорхнула по ступеням внутрь. Схватила поручень; огляделась. Несколько свободных кресел бросились в глаза. Она направлялась к ним, когда дед сидевший у прохода встал и пошел к дверям. Девушка прытко присела на его место. «Не судите! Просто мне долго ехать» – подумала, оправдываясь.

Рядом сидел мужчина; плечом к плечу.

Автобус тронулся.

Девушка почувствовала – незнакомец поглядывал на нее. Она мельком взглянула на его обувь – кожаные туфли, черные шнурки. Затем обратила внимание на каштановые, вельветовые брюки и выше – белая рубашка, галстук. Ничего особенного – все как у всех.

Последняя остановка перед конечной – муравейником, откуда бесчисленные спринтеры, как муравьи разбегаются в регионы. В автобусе остались лишь трое – бабушка подле кабины водителя, он и она – у задней двери.

Из приличий не пересела... И он не двинулся...

Внезапно, кисти рук пассажира, уложенные внахлест стали подергиваться. Не успела девушка понять причину припадка, как мужчина впал в судорогу, голову больно ударяясь о спинку кресла.

Она, вскрикнув, вскочила на ноги и прикрывая лицо ладонями, оцепенела. Затем, закричала:

Помогите! На помощь, кто-нибудь!

Никто не откликнулся.

«Бабуля уже давно не слышит. Наверное, глухота – старческое. Или спит. Да и вряд ли сможет помочь» – пока добежала до водительской кабины, пролетело у неё в голове.

- Помогите! Скорее!!!

- Что случилось?! – осведомился парень с загорелым, обветренным лицом, усердно дергая рычаг коробки передач.

- Мужчине плохо!

- Здесь нельзя останавливаться! – безучастно отрезал человек за рулем. И добавил – Где можно, буду торможу.

- Вы не поняли. Он умирает! – она трясла пальцем и показывала в конец автобуса.

- Да, понял. Скорую зови. Я ни в чем не виноват – отмахнулся водитель.

- Вы что совсем ку-ку? – недоумевая покрутила пальцем. – Я говорю, человек сейчас у вас в автобусе умрет!

- Да, кукушка. Не мешай! Аварию попадем ато, и все погибни!

«Это бесполезно» – заключила про себя женщина, затем кинула в сторону кабины: «Идиот!», и поспешила обратно.

Помощи ждать было неоткуда. Как и времени на раздумья не оставалось – человек умирал. Прибыв, она нашла больного на полу. Не привычная ситуация – все-таки не медсестра – каждый день людей не спасает. Да и вообще, впервые с подобным столкнулась. Испуг не дал ей вспомнить методы борьбы с припадками. А ведь силсилась запомнить эти знания, когда видела в кино или натыкалась в книге. Предчувствовала. Ну и ничего лучше не нашла, чем бить по щекам и кричать ему в лицо: «Очнитесь!.. Молодой человек! Ну-же давай!!! Ой, Боже... Помоги».

Услышал Бог или нет.. но внезапно судорога отпустила. Мужчина, не вставая с пола, вдохнул-выдохнул-вдохнул и снова мерно выдохнул. Закрутил головой по сторонам сясья оглядеться. А когда зрачки сфокусировались, пристально посмотрел в ее испуганное лицо. Несколько секунд спустя он произнес: «Я в раю?».

Она, переводя дыхание, мило улыбнулась...

ОТЕЦ

Часы пробили полпятого, когда самолет сел...

Несколько минут я простоял в очереди уставших людей; прошел регистрацию. Оставил позади узкие коридоры, соединяющие одно помещение с другим. Забрал багаж и наконец, вырвался в общую залу, где у стоек, перевязанных красными лентами в ожидании столпились чьи-то родственники, друзья, провожатые. Они пристально следили за прибывающими пассажирами, чтобы не пропустить нужного, каждый своего человека.

Я написал письмо; предупредил: «Прилечу в этот четверг». Однако, отца я так и не увидел среди встречающих. “Обиделся. Не простил... Да и по праву!...” – подумал я.

Покидая здание аэропорта, я оглянулся в надежде и еще раз окинул взглядом тысячу сосредоточенных лиц в зоне «Прибытие». Затем, понутив голову, побрел к выходу. Автоматические двери разошлись. Я оказался на улице. Обдало пронизывающим ветром, и я поспешил в сторону остановки, чтобы скорее отыскать транспорт.

По пути, вдальке, я увидел бескрайние поля, земли тёмно-коричневого цвета и одинокие, обветшалые, осиротевшие дома – наши, в которых все мы выросли...

“Родина!” – отозвалось гулким эхом в груди. Радость, как горячее молоко зимним вечером, разлилась по нутру. Тишина – симфония Бога, звучала в округе, наполняя душу теплом.

Лицо невольно расплылось в улыбке. Я остановился и закрыл глаза, чтобы насладиться мгновением.

Более часа добирался до родного села. Пробки. Нарочно попросил водителя такси остановиться за квартал от дома. Надо было прогуляться – собраться с мыслями; все-таки двадцать лет не виделись. Волновался... Увидев родную изгородь, замедлил шаги и стал приглядываться. Израненное сердце, предвкусная конец мучениям, билось с скоростью хвоста дворняги, приметившей в руках хозяйина праздничный обед.

Я собирался постучать, когда увидел калитку отворенной. Прошел во двор. Внутри никого не оказалось. Встав посередине, я внимательно осмотрелся. “А ведь, ничего не изменилось за двадцать лет” – теплые воспоминания промелькнули в голове. Грустно мне вдруг как-то стало; пришлось до боли прикусить челюстью, чтобы удержать слезы. Домина, казавшийся в юности огромным, сейчас виделся маленьким. Сарай стоял недостроенный; никогда не забуду, как летними днями мы с отцом укладывали жженный кирпич, возводя стену, а он приговаривал: “Это ведь сынок, все тебе останется... а стало быть, и твое... так сказать для тебя делается”. Мне, тогда как раз исполнилось

десять... Разумеется, в этом возрасте не придавал особого значения словам отца. Только сейчас, после двадцати лет отданных чужбине я познал, как дорог мне обветшалый дом, недостроенный сарай, неубранный двор, заросший порослью, разбросанные по грязи камни, чтобы не запачкать ноги, да неисправная колонка посередине. Все предметы, вещи, лежащие на участке я тотчас узнавал. Каждое из них возбуждало воспоминание, связанное с детством – с беззаботной порой.

Я не спешил. Мне не хотелось прогонять приятные, волшебные мгновения прошлого, поглотившие меня.

Вдруг я услышал тяжелый, томный звук, донесшийся из сарая.

– Ах ты!.. Царица полей! – последовало за звоном.

“Отец” – дрогнуло внутри. И чаяния, все мои воспоминания, которыми жил без пяти лет четверть века всколыхнулись во мне и зазвучали в этой фразе. В беспамятстве, я бросил сумку наземь и как угорелый, ворвался внутрь сарая. И слова не сказав, крепко обнял отца. Он стоял спиной к двери и с испугу, было, оттолкнул меня, но признав свое дитя, схватил за плечи и стал безудержно произносить: “Петр! Неужто ты?! Вернулся, вернулся-таки!.. Мой сын! Петенька!..”.

Когда мы обуяли внутренние чувства, а увлажнившиеся очи подсохли, мы стали пить чай.

– Ах ты!.. Царица полей! Смотри, как вымахал! – в восторге произнес отец, а затем умиленно продолжил, показывая рукой – А я ведь тебя вот таким еще помню.

– Да... – понурился, выдавил я. – Двадцать... Двадцать лет мне было, когда... когда... Отец, ты... – я хотел объясниться, но он прервал.

– А ты чего не изволил известить, что приедешь раньше написанного срока? – недоумевал отец.

– Так ведь я по плану прилетел. Просто мы не рассчитали time difference... Как сказать по-русски?.. Время не учли... Это я в такси понял, когда шофер начал рассказывать про загруженность дорог по пятницам, а на моем телефоне был еще четверг – я достал гаджет и показал ему. – Вот смотри, это Америка, видишь там рано, а здесь уже вечер... Я написал в письме California time и по ним прилетел. А ты подумал по местным.

– Тьфу ты... Царица полей! Вишь что значит возраст, не шестьдесят все-таки!.. – утвердительно дернул он головой.

– П-пап, а папа? А ты чего там, в сарае делал? Тяжести какие-то поднимал... Ремонт? – осведомился я.

– Да, порази Царица полей, трубу эту!.. – махнул он рукой. – Думал, успею до твоего приезда, до завтра, значит, выкопать яму поглубже да трубу эту самую проложить, чтоб ты в арыке ноги не вымочил. Но не тут-то было... – он недовольно потряс головой. – Ум то до сих пор юн, и привычки на месте, а руки уже не те... – повертел конечностями.

И только тогда я увидел, как он постарел...

А ведь, в былые времена, отец считался в деревне человеком, одаренным от Бога силою. Однажды, заехал далеко в горы выискать причину, что остановила подачу воды в округе. Нашел и устранил неполадку. А когда возвращался, осел, на котором отправился в путь, занемог и повалился как окаянный. Отцу стало жалко животное. Так, он взгромоздил на плечи скотину и донес на себе до села. Про тот случай до сих пор легенды слагают. Первые мужики деревни завидовали его популярности. Виною всему – видная внешность отца. По черным густым усам, сходили с ума толпы баб из округи. Иной раз подмигнет девке, а та как завизжит от радости, словно поросенок иглоу уколотый. Другие прячутся, сгорая от стыда – стесняются. И только на расстоянии, из-за какого-нибудь дерева, куста или изгороди тайно вздыхают по его мужественным рукам с торчащими на показ венами и по огромной, широкой, как у античных богов-громовержцев, груди. А до голоса его так и вовсе из самой церкви приходили; просили подсобить хору на воскресных богослужениях, да только отец все отказывался. «Не пристало мужчине петь» – говаривал он. А мне думалось, боялся за свою репутацию серьезного мужика – спартамца. Сейчас по моим подсчетам отцу шел семьдесят седьмой год. Я всегда знал и помнил его могучим человеком, находившимся в расцвете сил. И оттого мне было еще тяжелей лицезреть нового, до сих пор родного – обессилевшего старика. Не смотря на живость движений, я чувствовал, что силы покидают отца. Кожа

сморщилась и покрылась несчетными складками, а на лице проглядывали старческие прорези – свидетельство о том, что человек когда-то смеялся. Лысина, неестественно желтая, поблескивала на голове. Тело исхудало, аж кости проглядывали. Руки тряслись. Ногти пожелтели, и казалось, потолстели до тех размеров, где их уже не подстричь без хирургического вмешательства. А беззубая челюсть стучала, ударяясь, каждый раз, когда отец силится сказать.

После недолгой беседы и сделанных мною наблюдений я заметил – отцу жилось тяжело и бедно. Протертые, выцветшие, местами заштопанные вельветовые штаны, неумело починенная обувь и негодная, прохудившаяся куртка да тот же чепец, в котором провожал меня в аэропорт.

Когда плохо близкому человеку ведь невольно и сам страдаешь. А когда не можешь изменить ситуацию, не можешь ничем помочь начинаешь болеть душою. Глаза налились слезами, мышцы лица пришли в напряжение, горечь отозвалась давящей болью в груди. По телу пробежала дрожь. Чувство вины обдало жаром нутро, и более не в силах сдерживать себя, я бросился ему в ноги.

– Отец! Прости, прости сына твоего заблудшего... Батенька! – взмолился я, все сильнее прижимаясь и обнимая отца.

– Ну, будет! Успокойся сынок!.. Ну, ты чего?! А? – умиленно с родительскою теплотой произнес отец, похлопывая меня по спине.

За окнами стемнело. На душе полегчало; давящее бремя непощенности вымыло слезами.

Отец взял меня за плечи и, вглядываясь, спросил:

– Ну и от чего мужик сорока лет отроду плачет, а? Что ревешь? Отчего страдаешь?

– Отец, ты уж прости сына своего. Ты был прав. Кругом прав. Чужбина – она чужбина и есть! С чем уехал с тем и приехал. Усилия... деньги скопленные – все потерял. Трудился, не жалея здоровья и каждый день думал, что вот-вот, не сегодня, так завтра наступит час, когда выбьюсь в люди и все наладится; тебя заберу, а там заживем как на отдыхе. В этой погоне за мечтой и прошли двадцать лет. А когда отбир... – осекся я. – Когда потерял все, ведь никто не помог – люди там такие. Ни друзья, ни соседи... никто батя, никто!..

На минуту воцарилось молчание.

– Да и плевать!.. прошли двадцать лет впустую, себя не жалко... Единственно важное, что заставляет страдать – я тебе как видно совсем не помог. А ведь, когда уезжал обещание давал – буду деньги отправлять, и жизнь твоя улучшится...

– Ну, так слово сдержал-то, хотя и отчасти. А капитал-таки высылал исправно, я бы даже сказал аккуратно, – тихо заключил отец.

– А толку?! Посмотри, как ты живешь!!! И всему я – причина, кругом я виноват!.. – я не выдержал; голос задрожал, дыхание перехватило, и я заплакал. Мне стало стыдно, но слезы не переставали, и я отвернулся, чтобы не позориться перед отцом. Прислонившись к печи, тихо всхлипывая, я силится унять чувства. После недолгого молчания я услышал позади, как отец отодвинул стул и размеренными шагами подошел ко мне.

– Ну, будет! Ляг-ка ты спать, устал, кажись, с дороги. Да и мне пора уж отдохнуть – он похлопал меня по плечу и удалился.

Когда я вошел в свою комнату, нежные чувства овладели мною от нахлынувших воспоминаний – сокровенных, тех самых, что противостоят повседневному негативу и всеобъемлющему злу, и которые приходят на помощь в тяжелые минуты жизни...

Комната моя не изменилась с детских времен: деревянная кровать у стены, письменный стол у окна да пару стульев, двустворчатый шкаф для одежды в углу, подвесная полка с книгами. Лицо невольно расплылось в улыбке. На кровати лежал мой друг, старше меня на восемь лет, так и не выросший с тех времен – плюшевый медведь – Мишка. Помню, мне шел седьмой год, и я бежал второпях за автобусом, опаздывая в школу. Споткнувшись, упал на полном ходу, а когда встал увидел, что у Мишки оторвало руку. Глотая слезы горечи и обиды, укоряя себя, я наскоро схватил раненного и побежал, не жалея ног обратно к отцу, чтобы вылечить друга. Обливаясь слезами, я прибежал во двор и закричал во весь голос: «Папенька, прошу тебя, спаси его!» – тот не на шутку испугался. Но разобравшись, стал жалеть меня и смеяться. Я клялся, что буду примерным учеником и хорошим сыном, если отец сумеет воскресить родного Мишу.

Друг отделился несколькими швами, но пережитые потрясения, меня многому научили. Отцу же показали сына с другой, неизвестной стороны и объяснили ему мое ранимое нутро.

Наслаждаясь прошлым, я забылся сладким сном.

–Петя, подъем сынок! Ехать надобно, – отец раскрыл шторы. Солнечные лучи проникли внутрь комнаты.

–Куда? – сонно осведомился я.

–В банк!.. Ты эт документики то возьми, глядишь, пригодятся, – ехидно улыбнулся он.

Я не придал значения поведению отца. Наскоро оделся, умылся, отхлебнул чаю, и мы отправились в путь.

Старенький, бежевый, местами проржавевший жигули тарактел то и дело, выплевывая клубы черного дыма. Состояние корабля доставляло неудобство капитану. Отец не переставал дергать рычаг скорости передач, перебирать ногами педали и стучать по панели. От усилий челюсти его пришли в напряжение. Казалось бы, эти обстоятельства должны были омрачить поездку, но отец не терял радостного расположения духа.

Это привиделось мне странным.

Мы вошли в банк. Точнее небольшое отделение одного из крупнейших Банков страны. Помещение было уютным и располагало двумя кассами. Кроме того, вмещало два столика для сотрудников операционного сектора и стойку охранника.

Я быстро заключил, что отец здесь гость особый:

–Вадим Петрович! Родненький вы наш, кажись, снова забылись? – кудрявая женщина пятидесяти лет с короткими по ухо золотистыми волосами подошла и ласково обняла отца. Не дожидаясь ответа, напомнила:

–Ведь только первое число, до пятнадцатого еще пожить надо!

–Леронька, сегодня особой случай-с! Знакомься сын мой – Петр Вадимович!

–Мать моя женщина! – воскликнула, хватаясь за щеку. – Думала, не доживу. Маня, а Маня?! Гляди, кто приехал, – прокричала она, обращаясь в сторону кассы.

–Что? – раздался в ответ приглушенный голос.

–Петр Вадимович – сын Вадима Петровича!

–Не слышно!.. У меня клиент. Сейчас отпущу его и подойду.

–Я говорю, сын Вадима Петровича приехал... а не хочешь не вылезай! – отрезала тетя Лера и повернулась к нам. Она сложила руки в молебном положении и, улыбаясь, склонила голову на бок.

Не прошло и минуты, как впопыхах, ударяясь о дверной проем кассы, выглянула тучная женщина, ростом чуть более полутора метров, на вид лет шестидесяти, а то и более. Она закрыла дверь ключом и направилась к нам. Подойдя, поздоровалась и вопросительно оглядела присутствующих. Затем взглянув на отца спросила:

–Он?.. Неужто и в самом деле он?

–Он самый-с! – отрапортовал отец.

Глаза ее прослезились; она обняла меня и произнесла: «Так вот ты какой!.. а я уже извелась, совсем измучилась, представляя тебя в своих мыслях».

Все глядели на меня с миленьем.

Я недоумевал.

После недолгого разговора, восторга и возгласов нас усадили за стол к тете Лере. Она затребовала мой паспорт. Я посмотрел на отца. Он одобрительно кивнул. Я протянул ей документ. Руки у нее тряслись. Она сверила его с какими-то бумагами из шкафа и не без радости произнесла: «Все верно!».

–Ну, вот и отлично! Гоните-с наши деньжата милые господа аферисты! – отец громко захохотал.

Мы засмеялись в ответ.

После, тетя Лера села на рабочее место и, глядя в монитор компьютера

спросила:

– Все ли будем снимать со счета?

– Нет, разумеется! Чутьочку себе с Манькой оставь. Благодарность наша, так сказать и вы за мой праздник порадитесь!

– Ах, Вадим Петрович, какой же вы все-таки неисправимый. Аж плакать хочется. Ведь знаете – не положено! – не без сочувствия, отрезала тетя Лера.

– Ну, конфеты, так конфеты! – смущаясь и качая головой ответил отец.

– Ничего не надо, прошу вас! – залепетала тетя Лера.

– Рады не меньше вашего Вадим Петрович. Неужто не видите?! – вместилась Марина Витальевна.

– Ну, так что? Закрываем счет?

– Батя, что за деньги? Что за счет? – не выдержал и спросил я.

Тетя Лера удивленно посмотрела на Марину Витальевну, а та выгаращила глаза. Они опешили так, будто я справлялся о названии планеты, на которой мы находимся.

– Как что за деньги?! – развела перед собой руками Марина Витальевна.

– Твои деньги, – качнув головой, заверила меня тетя Лера.

Я вглядывался в лица присутствующих и ждал, когда объявят, что все – розыгрыш. Однако, этого не случилось.

– Мать моя женщина! Да он не знает, – она снова переглянулась с Мариной Витальевной.

– Неужто не знает? – спросила та, глядя на отца.

– Да куда там! Не ведает даже-с! А знал бы, ни в жизни позволил...

– Да что тут такое происходит?! Довольно батя, о чем речь?

Отец спрятал взгляд не в силах говорить. Его челюсть пришла в напряжение. Он ждал трясущиеся кулаки, чтобы не показать своих слез перед дамами.

Тетя Лера подошла к отцу и нежно обняла, прижавшись щекой к его плечу. А Марина Витальевна стала объяснять:

– Петенька, знакомы мы с Вадимом Петровичем уж двадцать лет; сдружились давно. А потому и тебя знаем и любим как родного. Я и Лера свидетели – сын за все время ни разу не забыл про отца. Ой, – тяжело вздохнула она. – Всем бы таких детей!.. Двадцать лет ты каждого пятнадцатого числа отправлял денег, чтоб отец не помер с голоду. Двадцать лет!.. – потрясла пальцем. – Ой, не могу... – она отвернулась и стала обмахивать лицо бумагой.

– Двадцать лет назад, когда пришел первый платеж, – продолжила тетя Лера – Вадим Петрович открыл у нас счет на твоё имя и по закону только ты можешь снять накопленные деньги. С тех пор он клал на этот счет каждый присланный тобою перевод. Насколько регулярно ты присылал ему денег, настолько же упорно откладывал их твой отец. Сумма там уже приличная набежала. Ой, что же это я?! Сейчас, секундочку, я скажу точную цифру...

Я взглянул на отца. Он более не испытывал напряжения, а только улыбался, любуясь мною. Удушье поразило меня, скулы затряслись. Вдруг, он отвел взгляд и, едва сдерживая слезы заговорил:

– А на что они мне спрашивается?! Куды их девать, когда все у меня в достатке и ничего мне не нужно?! Все есть у меня... и хлеб, и чай, и тепло мне и сам я, слава Господу, во здравии. Ничего мне не нужно без него! Ни сарая, ни трактора, ни плуга, ни скот... – он не договорил.

Я бросился к ногам отца и, судорожно рыдая стал целовать его сапоги.

– Один миллион шестьсот семнадцать тысяч сомов, – озвучила сумму на счете тетя Лера.